

К 84(2=411.2)6

В 67

Владимир ВОЛКОВЕЦ
Павел ЧЕРКАШИН

Осязаемое сердцем

16+

ВЛАДИМИР ВОЛКОВЕЦ
ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

ОСЯЗАЕМОЕ СЕРДЦЕМ

Сборник стихотворений

*В дар
краеведческому
музею
с любовью и уважением*

*Меру
28.03.2017 г.*

Издательство «Lulu»
Raleigh
2017

- 0201528 -

Государственная
библиотека
Югры

КО

УДК

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

В 67

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателей запрещается

В 67 Волковец В. М., Черкашин П. Р.

Осязаемое сердцем : сборник стихотворений /
В. М. Волковец, П. Р. Черкашин ; предисл. Н. А. Яго-
динцева ; вып. ред. П. Р. Черкашин. – Raleigh (USA) :
«Lulu», 2017. – 204 с.

*Первая совместная книга
двух известных российских поэтов
Владимира Волковца и Павла Черкашина.*

ISBN 978-1-365-73406-9

© В. М. Волковец, стихи, 2017

© П. Р. Черкашин, стихи, оформление, 2017

© Издательство «Lulu», печать, 2017

Чувство, которое мыслит

Наш мир как-то безнадежно забуксовал на призрачном перепутье чувства и мысли: информация и интеллект всё больше возводятся в абсолют, но почему-то никто не становится от этого счастливее. Мало того, мы же накрепко помним, что ещё библейский царь Соломон сказал: «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»... Значит ли это, что познание всегда обрекает на муки и потому обречено само?

Нисколько! – отвечает поэзия. Со времён того же Экклезиаста поэтам доподлинно известно, что печаль и скорбь – всего только две краски с тёмного краешка широкой эмоциональной палитры, а господствуют на этой палитре другие, светлые чувства: любовь, радость, изумление, благоговение, восторг... Но возможны они только тогда, когда мысль и эмоция слитны, неразлучны, нерасторжимы.

Мысль – форма. Чувство – волна. Кораблик мысли на волне чувства никогда не остановит свой бег, не утонет в пучине, не врежется в скалистый берег, – да что там! – никогда не пройдёт одним путём дважды, ибо всё в этой волшебной стихии течёт, мерцает, изменяется беспрестанно, бесконечно. И не уходит во тьму, потому что несёт в себе свет.

А если отлучить от мысли – формы – чувство и выпустить эту стихию на волю, какие невиданные, разрушительные шторма могут разгуляться и натворить беды! Чувство должно мыслить, а мысль – чувствовать, и лучше всего это знают поэты. Впрочем, не только они одни – сегодня в ходу мощные технологии манипуляции людьми, когда одной рукой продаётся информация как самый ценный ресурс, а другая исподтишка раскачивает волны эмоций. И человек был бы совсем незащищён перед этими силами, мал и безнадёжно беспомощен со своим интеллектуальным багажом и в полном душевном неведении, но слава Богу, есть поэзия, и поэты не устают служить ей.

Однако не всё так просто – поэзия сегодня сосуществует с нами во времени подспудно, неявно, как тайное знание, – и чтобы воспользоваться этим знанием, нужно уже знать, к какой полке протянуть руку, какую книгу раскрыть, чтобы восстановить равновесие и гармоничную слитность ума и сердца.

«Осязаемое сердцем» – первая совместная книга двух известных российских поэтов Владимира Волковца и Павла Черкашина. Название точно и символично: поэты возвращают нас из жёсткого и жестокого мира интеллекта и информации в тёплый и мягкий мир сердца, и щедро подсказывают нам маяки, опоры, рисуют карты жизненных путей:

*Познали мы невзгоды и морозы...
И на руках, что цепки и грубы,
Железными заклёпками мозоли
Удерживают линию судьбы.*

Владимир Волковец

*Даруй не золото молчанья,
А слов живое серебро
Святым поступком подаянья,
Как бескорыстное добро
Для тех, кто сердцем жаждет света,
Но изнемог иль заплутал...*

Павел Черкашин

А собственно, что такое поэзия, если отойти от культурологической, корпускулярно-волновой её основы и перейти в иной образный ряд? Может быть, стихи – только короткие записи на полях большой книги Жизни, заметки карандашом напротив каких-то важных сердцу событий, и прочтя эти заметки, вдруг, на мгновение или навсегда, с необычайной пронзительной ясностью постигаешь искры Божьего замысла о нас, о людях, и наступает эта ясность не в созерцании неких глобальных явлений, а в самом простом, порой даже простейшем. И чем проще, тем вернее включается тончайшее осязание сердца:

*Ещё оглянись, чтобы наверняка
Понять, что уходишь последним.*

*Зелёный кузнечик в тени лопуха
Болтается крестиком медным.
Янтарно слезятся сучки вековых,
Пропитанных временем брёвен.
А мир, что однажды сложили из них,
Не сразу поймёшь, как огромен.
Чужбиною станет родная страна,
Насупишь полночные брови.
Но память о доме уже включена
В твой круг обращения крови.*

Владимир Волковец

*Вечер. Выйду на крыльцо.
Тихо скрипнет половица.
Запрокину ввысь лицо,
Улыбнусь: «Опять не спится».*

[...]

*За околицей овраг
В белом зареве черёмух.
Не спеша, густеет мрак.
А на простынях зелёных*

*Тёмной глыбой дремлет конь.
Лишь моей душе не спится...*

Павел Черкашин

О чём стихи в этой книге? Они очень разные, светлые и горькие, ясные и туманные, остро актуальные и глубоко потаённые – но почему-то чудится, что все они – о любви. Потому, наверное,

что «любовь, что движет солнце и светила», как сказал Данте, — это стихия сердца, и если оно чувствует и осязает мир, оно любит. И счастливо не безмятежной взаимностью (да, взаимность — счастье, но такое редкое!), а самой любовью, самой способностью эту любовь испытывать:

*В одиночестве желанном
Солнца ждал, но поутру
Дом невиданным туманом
Завалило по трубу —
Синим с запада напиток,
А с востока — золотым...
Не найти меня обидам
И проклятиям твоим.
Но с томительным безвестьем
Не смириться, потому
Я простукиваю сердцем
Путь к прощенью твоему.*

Владимир Волковец

*Не водопад ревущий, нет,
Моя любовь — родник звенящий,
Цветок багульника, рассвет,
Что заплутал в таёжной чаще.*

*Пусть нет в ней страсти штормовой,
Она, поверь мне, не слабее,
Она, как добрый домовый,
Чем неприметней, тем милее.*

*Она похожа на зарю,
На песнь речного переката,
И я тебе её дарю.
Прими мой дар
и будь крылата!*

Павел Черкашин

Чем особенно интересна ценителям поэзии эта книга? Разностью поэтических потенциалов соседствующих в ней поэтов. Оба – приверженцы русской поэтической традиции, но служат они ей совершенно по-разному.

Владимир Волковец смело доверяет реалиям, приметам мира и обозначающим их словам, он (закономерно!) верный рыцарь темы любви, её радостей и печалей, темы Родины, и в обилии, плотности узнаваемых деталей его стихи очень естественны и современны:

*На отмели малька
Дочь зачерпнула кружкой.
Ещё одна река
Становится речушкой.*

*За пнями не слышна
Былая сила леса.
Ещё одна вина
На совести прогресса.*

Владимир Волковец

Его собеседник, сотоварищ по книге Павел Черкашин больше доверяет музыке, для него важнее зримости и осязаемости текста само звучание поэзии, естественный ток её слов, и потому стихи получают более созерцательными. Вообще, надо заметить, что для той части поэзии, которую сегодня дерзко называют «актуальной», характерно небрежение музыкой и даже разрушение её – но «актуальщики» и не подозревают, похоже, что, разрушая музыку, они утрачивают большую половину смысла, ибо мелодия стиха – это необходимая, насущная пища для чувства, говоря современным языком – базовая информация, архетипическая основа, обращённая в глубины нашего подсознания. Черкашин знает цену – ценность! – музыки и доверяет ей полностью, позволяя волнам речи свободно нести мысль:

*За навигацию устав,
На берег вытолзли буксирь.
Шуршит шугою ледостав,
Просторы рек уныло сирь.
Пройдёт ещё немало дней,
Пока окрепнет мост ледяный
И обновится след саней
Под крик возницы зычно-пьяный.*

Павел Черкашин

Обе эти поэтические особенности, соседствуя в книге, дополняют друг друга, оба поэта

сосуществуют в её пространстве абсолютно естественно, перекликаясь музыкально и тематически, но не перекрикивая, не перекрывая друг друга голосом, резкостью метафор, злободневностью сюжетов. Всё здесь – гармония двух дружеских сердец, созвучных времени и верных русской поэтической традиции, где мыслящее чувство несёт в себе не только волю познания, но свет радости. Включай своё сердце в эту гармонию, дорогой читатель!

*Нина Ягодинцева,
Челябинск*

ВЛАДИМИР
ВОЛКОВЕЦ

* * *

Хрустим ржаною корочкой дороги.
В мужалых, басовитых голосах
Пробилась рассудительная строгость,
Как проволока в молодых усах.

Познали мы невзгоды и морозы...
И на руках, что цепки и грубы,
Железными заклёпками мозоли
Удерживают линию судьбы.

НАЧАЛО

Слово к делу подошью,
Выгляну из дома –
В каждой туче по дождю,
По раскату грома.

По сороке во дворе,
В окнах – по невесте.
В этой чёртовой дыре
Пропаду в безвестье.

Я сюда не по суду
И отсюда – тоже
Собираться по судьбу
Гонит бездорожье.

* * *

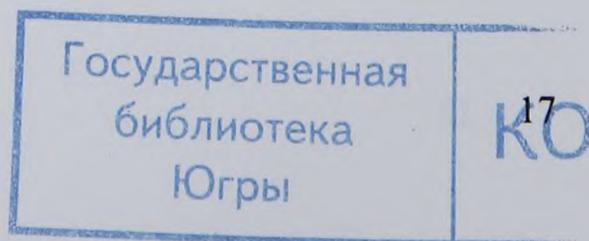
Ты ночь не спал, как будто
Остался во вчера.
Спросонок было трудно
Понять тебя с утра.
Ты мне хотел как другу
О пройденном сказать,
Но время шло по кругу,
Не возвращалось вспять.
Ты следом шёл, дыханьем
Ловил вчерашний дым.
И стал воспоминаньем,
А я – путём твоим.

* * *

Обдуманно обидела,
Не скоро позабыть:
Передразнила, выдала,
Что я пытался скрыть.
Всего перековеркала.
Какой позор и стыд!
Но у меня есть зеркало,
Которое мне льстит.
Спешу увидеть прежнего
Знакомые черты.
А в зеркале – насмешливо –
Восторженная – ты!

* * *

Не повезло в любви.
Расстались.
С работой и людьми
Срастаюсь.
И легче на душе.
В ночную
Машины в гараже
Врачую.
Затягиваю болт
Упрямый.
И затихают боль
И память
О той, что я люблю,
Скрывая.
Но вспомню – и резьбу
Срываю.

- 0201528 -

ЧАСЫ

Надоело ворочать гирями,
Чтоб за сердцем моим поспеть –
Объявили о перемирии,
Осязаемом, словно смерть.

* * *

Потянулись птицы к северу,
В озёрные края.
Проявляется сквозь серую
Зелёная трава.

Проявляется забытая
Волнующая боль
Сквозь далёкие события,
Не ставшие судьбой.

Мы теперь сквозь годы длинные,
Сквозь простор лесной
Только нитью журавлиною
Связаны с тобой.

БЕЛЫЙ СОН

Облака шатает с боку на бок –
То дождём окатят, то крупой.
И черёмуха стряхнула запах
Вместе с лепестковой чепухой.

Белыми холодными ночами
Забываюсь в зябком полусне...
Вспыхнешь обнажёнными плечами
И плывёшь заманчиво ко мне.

Не колыша трав и не сминая,
Из туманно девственной глуши
Подойдёшь, дыханьем обжигая:
– Как ты меня любишь, расскажи?

А глаза полны такою болью
И таким отчаяньем горят,
Что тону в них со своей любовью
И едва ли выплыву назад.

– Разве можно рассказать об этом? –
Обнимая с нежностью, шепчу.
Но сквозь душу протекаешь светом,
Лунному подобная лучу.

Снова день и ветренен, и зябок,
Непонятно из чего рождён –
Облака шатает с боку на бок –
То крупой осыпят, то дождём.

На душе тревожно и туманно,
И неверен слух, и нет огня...
Только сон и ты в нём постоянна,
И неуловима для меня.

* * *

Ты не молчал, без отдыха и без
Стенаний добирался до истока,
Где растолкав над мирозданием лес,
Ты на себя взглянул глазами Бога.

И обратилось суетное в прах,
Небесное с земным перемешались...
И говоря с друзьями, в их глазах
Испепелял сочувственную зависть.

* * *

Милая, чем независимей
Держимся от сентября
И озабоченно-пристальной
Всматриваемся в себя,
Вслушиваемся в звучание,
А не в значение фраз,
Невыносимей молчание,
Околдовавшее нас.
Наговорились и, видимо,
Не одолеем порог
Страх, что будет обыденно
Слово, которое Бог.

* * *

В комариной дымкою повитом
Сосняке до радостного вкрика
Поразил меня хрустальным видом
Куст обманно-дерзкой голубики.

Трепетно рассыпанные звёзды,
Зыбкие зеркальные осколки...
Невзначай споткнулись мои вёрсты,
Замерли вчерашние восторги.

Находясь в плену житейских тягот,
Путаюсь в сравнениях и мыслях.
И не отвожу глаза от ягод,
От росы на мелковатых листьях.

Голубичный куст.
Отсеял дождик
И свисает каплями с иголок.
Жалко, не нашёл тебя художник,
Что махнул рукою на посёлок.

Я набрёл случайно и не в силах
Обойти и затеряться в лете.
Словно отвернусь от бликов синих
И забуду, чем живу на свете.

* * *

Схолодало. Ноябрь подул
Мешковатую хмарь облаков.
Засквозила позёмка по льду
Невесомою стайкой мальков.

Стынет печь. И темнеет окно.
Неуютно в осенней судьбе.
И сливаются мысли в одно:
О тепле, о добре, о тебе.

* * *

Скомкаю лист – невесёлая проза.
Белая... алая... чёрная роза.
И в кулаке хрупкий пепел зажму.
Что пережил, не узнать никому.
Пепел развею...
И снова за нею,
Горькой любовью, бедою моею,
Света не видя, не слыша ночей,
Может, последнею в жизни моей.

* * *

Молчаливо вытерпишь
До потёмок стылых,
Из кармана вычерпнешь
Пригоршню опилок.
Ватником размашисто
Хлопнешь о перила,
Чтобы выбить начисто
Дух древесной пыли.
В тёплый гам автобуса
Втиснешься азартно –
Даль большого отпуска
Распахнётся завтра.
От её огромности
В толчее вокзальной
Холодок бездомности,
Суетность желаний:
По волнам на катере?
По музеям – в Питер?
Но сначала к матери.
Сколько лет не видел!
Сколько лет за строками:
Живы ли, здоровы?
Слышу одинокое:
– Плохо без коровы...

* * *

Слова, слова...
На что они,
Когда нас только двое,
А сумерки настояны
На комарином звоне.
А тишь в объятьях тополя
Разнежена, а звёзды
Сочатся сквозь подобия
Тенёт – пустые гнёзда.
Состав пройдёт по станции,
Не замедляя бега,
И на судьбу растянется
Мучительное эхо.

* * *

Как много во мне
Человечьих путей –
Запутанных судеб,
Которые совестью
Правят моей –
Тревожат и судят.

Которые мне
Нестерпимо носить
Под ветреной синью,
Которые нужно
Однажды решить
Единственной жизнью.

СЛУЧАЙ

С работы вернулся хмельной.
Жена не пустила домой.

Куда же в такую погоду?
И снова пошёл на работу.

Со сторожем ночь просидел.
Осунулся и постарел.

А утром собрался в дорогу.
Открыл. И жена у порога.

Усталая. Ночь не спала.
Искала его и ждала.

Застыли в неловком испуге.
И не узнавали друг друга.

ОТЕЦ

Теперь не сказанное вслух
Понятней. Тем дороже
Мечта, которую твой внук
Осуществить не может.

На Украине брошен дом,
Деревья в гнёздах грачъих.
Когда поехал, под окном
Не вытер слёз ребячъих...

Тебя нам искренне понять
Недоставало силы.
Мы сердцем начали вращать
В весёлый лес России.

Глядел на нас, на мир окрест,
Грустил по Украине.
Мечтою – там,
Судьбою – здесь,
Душой – посередине.

К МАТЕРИ

Наконец назло седым ненастьям
На большие праздники домой
Прилечу к отцу, сестре и братьям,
К матери – совсем уже седой.

За домашним искренним весельем
Поделюсь, шумливый и хмельной,
Дорогим и радостным – со всеми,
А печальным – с матерью одной.

И припомню с братьями я снова
Ягоды на просеке лесной,
Шалости ребячества бывшего...
А невзгоды – с матерью одной.

Но затихнет праздничное время
И прощусь с надёжною роднёй.
Встреча для меня всегда со всеми,
А разлука – с матерью одной.

* * *

На отмели малька
Дочь зачерпнула кружкой.
Ещё одна река
Становится речушкой.

За пнями не слышна
Былая сила леса.
Ещё одна вина
На совести прогресса.

Вросла в траву изба
И вывихнуты рамы.
Ещё одна судьба
С отсохшими корнями.

Вопросы малыша –
Ответы непростые.
Ещё одна душа
Заплачет о России.

* * *

У поздней малины особенный вкус –
Прощальная сладость ребячьей обиды
И вдове печалье рассыпанных бус,
Когда их причины давно позабыты.

И тонкая память дурманит слегка
Далёкое, полное жизнью и счастьем.
И звонко отсчитывает века
Сердечная жилка на левом запястье.

* * *

В столичной толкотне
Растерянного дня
Вдруг показалось мне —
Окликнул брат меня.
Я не поверил в то,
Не посмотрел назад.
Но как хотелось, чтоб
Меня окликнул брат.

* * *

Ещё оглянись, чтобы наверняка
Понять, что уходишь последним.
Зелёный кузнечик в тени лопуха
Болтается крестиком медным.
Янтарно слезятся сучки вековых,
Пропитанных временем брёвен.
А мир, что однажды сложили из них,
Не сразу поймёшь, как огромен.
Чужбиною станет родная страна,
Насупишь полночные брови.
Но память о доме уже включена
В твой круг обращения крови.
Пока не истлели в углу чердака
Подробности детского счастья,
Ещё оглянись, чтобы наверняка
Понять, что пора возвращаться.

* * *

Осень на Севере.
Ворон на дереве
Вскаркнет и лужу осыплет листвой.
Тихо и празднично.
Как ты загадочна
И молчалива сегодня со мной.
Птицам подсвистывал,
Грузди выискивал
Или выщипывал клюкву из мха,
Нежностью тающей,
Всё понимающей
Ты мне особенно нынче близка.
Дальше от праздного
Слово бы за слово
До откровений дойти не спеша.
Не к отрешённости,
А к обнажённости
Неумолимо стремится душа.
Шишки смолёные,
Утяжелённые
Каплями гроздь рябин на заре,
Листья с лисичками.
Лезу за спичками —
Выжгу горчайшую боль на костре.

Лес приосанится.
Всё, что останется,
Не растворится, не сгинет в земле,
В яростном пламени,
В сумрачной памяти,
То не по силам забыть даже мне.

* * *

Медленные, ветреные ночи
С пригоршнею снега или звёзд.
По утрам крапивного короче
На берёзах изморозный ворс.
Солнце поднялось на подоконник
И скатилось, напатав слегка
Радостью, непонятой спросонок,
Яблоки, а может, облака.
В нынешнем нежнейшем предвечерье,
Как ни безмятежно одному,
Всё, что мне отпущено по вере,
С тихой благодарностью приму.
Заискрятся с обнажённых высей
Звёзды удивительно свежи,
И слова отыщутся для мыслей,
Музыка – для радости привычной,
Мудрый собеседник – для души.

* * *

Ты знаешь лучше всех,
Когда душа навыверт,
Что будет наперёд.
Сегодня в сердце смех,
А завтра – горький выдох,
А послезавтра – лёд.
Его не растопить
Сумятицей страданий.
Теперь наверняка
Он будет в нас саднить
Да от воспоминаний
Подтаивать слегка.

* * *

В одиночестве желанном
Солнца ждал, но поутру
Дом невиданным туманом
Завалило по трубу –
Синим с запада налитан,
А с востока – золотым...
Не найти меня обидам
И проклятиям твоим.
Но с томительным безвестьем
Не смириться, потому
Я простукиваю сердцем
Путь к прощенью твоему.

* * *

Может, когда-то прохожий
Вынет из плотного мха
Камень, на сердце похожий,
И поразится слегка,
Что животворные корни
И капиллярная сеть
Нежной планеты упорно
Взялись его отогреть
И растворить в перелесье
И рассосать под землёй
Боль, обратившую сердце
В камень, оставленный мной.

* * *

Пока от ватного тепла
Снега мелели,
Не ждал,
Нет, ждал,
Да, ждал тебя –
Дождался еле.

Но застоялась за окном
Парная морось,
Вошли в которую вдвоём,
А вышли – порознь.

Как я метался, как других
Сводил с ума я!
Не оставляй же ни на миг
Меня, родная!

Ещё достаточно огня
И век не прожит.
Не жди,
Нет, жди,
Да жди меня –
Дождёшься, может.

* * *

Ещё в затаённом своём
Раздумье, державен и нежен,
Тенями сосняк прослоён,
Косыми лучами прорежен.

И нет ничего на земле
Дороже покоя и воли.
Листва на озёрном стекле
Примешана к ряби...
Давно ли

С туманной русалкой впотьмах
Сливались в едином дыханье...
Испариной на зеркалах
Подёрнулись воспоминанья

И дышат осоковой хной
Подробности зябкого счастья...
Но кто-то дорогу за мной
Отправил с мольбой:
возвращайся!

И сердцем – вниманье и слух
На чутком пороге квартиры –
Врасту в скоростной перестук:
Не ты ли, не ты ли, не ты ли...

ТАМ...

Там, в синичьем феврале,

Звёзды ледяные.

От поленниц во дворе

Солнечно донине.

Там в печали снеговой

И дома-то с ульи.

На верёвке бельевой

Сушатся сосульки.

Там в рождение моё

Каждый год – морозы.

На деревьях вороньё

Не меняет позы.

Вместо дома и плетня

Глушь и ржавь осота.

И по имени меня

Окликает кто-то.

ЮГРА

На коленях туман расстелив,
Ты поёшь о любви и тревоге.
И вплетаются в нежный мотив
Хвойный лес, вековая дорога
И зелёных дождей перелив.

А в орнамента древнюю вязь
Со святою любовью к природе –
Обь-река, птица стерх, рыба язь,
Голубица на ближнем болоте
Да к оленям исконная страсть.

Жить бы мне на угодье твоём,
Чтить людей за добро и отвагу,
За тепло и приветливость – дом,
За весёлую чуткость – собаку
И винтовку за правым плечом.

СТРЕКОЗА

Колея в заржавой хвое
В беломошнике сыром
На озёрное приволье
Выносила прямиком.

Там стоит почти по госту
И по мощи корневой,
Одинакового росту
Заповедный древостой.

Там иголками от щуки
Рассыпаются мальки,
Дождь весомее кольчуги
На рябых плечах ольхи.

И от мороси стрекозам
Не стрекочется почти,
Зависая перед носом,
Долго пелятся в очки.

В их зелёных окулярах,
Изумрудах в сто карат,
Явно выгляжу коряво —
Лупоглаз, но не хвостат.

Цепко села на ладошку.
И ладонь, немея с ней,
Становилась понемножку
Тяжелей и тяжелей.

* * *

Вымокну, просохну, заврачую
Ссадины житейские свои.
Ветер приумножит рябь речную
Листьями и осыпью хвои.

Где туман отстаивался – иней
Окуржавил омутную темь.
На душе небесней и сквозимей
Стало и предзимнее совсем.

Осенью без повода тревожно –
Боль на грани, жизнь – на рубеже...
То, что было рано, стало поздно,
А потом не надобным уже.

Поезд прогудел. И кто-то снова
Сгоряча из города шагнёт
На ступень последнего вагона,
А на первой станции сойдёт...

* * *

В доме должен быть излишек
Фотографий на стене
И картин, на полках книжек,
Безделушек на столе,
В вазе цитрусов и вишни,
Виноградин горсть и гроздь...
Чтобы тот, из давней жизни,
И весьма желанный гость,
Кем любима ты когда-то
И оставленной была,
Не заметил недостатка
Пониманья и тепла.

* * *

Осень оттепельна. Хлопья
Валом валят, не кружась.
Лес до самого Приобья
Перепончат и ушаст.
И река до подбородка
Натянула простыню,
Где прореха посередке
Превратилась в полынью.

Берега сошлись покато.
Ни на этот, ни на тот
Нам ещё спешить не надо.
Да и нас никто не ждёт.
Мы нашли себя на кромке
Светлой северной земли,
Наши сумерки в потёмки
Постепенно перешли.

В непроглядно снеговое
Благолепье на версту
Прячем шёпот поневоле
Да сапожек переступ...
И летим, не слыша даже,
Запелёнатые сном,
Как уходит время наше,
Исчезает подо льдом.

* * *

По шву береговому распоролось
Широкое речное полотно.
Иду по льду, преодолая робость
И осязая илистое дно,
Где чёрные налимы у коряги
Натасканно утопленника ждут.
И острые стремительные страхи
Вперегонки по трещинам бегут.

ЛЕСПРОМХОЗ

Орудовал плотник стамеской,
Лесник топором и пилой,
А юный посёлок Советский
Седой заповедной тайгой.

Я старше его предприятий
И самых худых развалюх.
И это с отрадой приятной
Могу повторить даже вслух.

Щипал по болотам бруснику,
Сорожек ловил в омутах...
Когда-нибудь сяду за книгу
О первых рабочих годах,

Где пахли мазутом и гарью
Ремонтные будни, как мне,
Совсем романтичному парню,
Случалось плутать по тайге.

Как рапортовал о рекордах
По вырубке леса парторг,
Как мы утонуть на дорогах
Могли без болотных сапог.

И КраЗы вскипали от зноя,
А в стужу не глохли с утра,
Как сосны боялись Героя
Социалистического труда.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ОМУТА

1

Зимний омут колоколом гулким
Разразился в стылой тишине,
Дрожью пробегая по сосулькам
И шальным ознобом по спине.

Рыбаки сбежались, как в бинокль,
Смотрят в лунки, не поймут на чьём,
На крючке килограммовый окунь
Колокольно бьётся подо льдом.

Я приду: вцепился – не сорвётся,
К ледяному краю подтащу.
Во, красавец! – полюбуюсь просто
И назло жадюгам – отпущу.

И с ног, и снег сшибательная вьюга.
Был и растаял серый березняк.
Через него протискиваясь туго,
Добрались до зимовья кое-как.

А утром дверью отодвинем зиму
В безмолвье, что сровняло берега.
И снова будет март тянуть резину –
Вытягивать сосульку вдоль угла.

Идём на омут в неуклюжих унтах,
Где снасти занесло наверняка.
И, узнавая нас, в отрытых лунках
Приветно закачается река.

Эх, давай на озеро рванём!
Там стрекозы, окуни, козявки.
Дождевые черви под бревном
Пролизали скользкие канавки.

Снасти рыболовные в углу.
Спозаранку росно и студёно,
Тихо на летейском берегу –
Ни жены, ни водки, ни закона.

За приют сиятельных теней
Нам платить не надо да и нечем.
Как-нибудь надёргаем ершей
И себя обедом обеспечим.

На осеннем омуте пестро.
Не пойму, чему моя родная
Искренне смеётся и светло,
Тишины моей не разделяя.

Чуткие мальки наперебой
Пробивают плёнку родовую
В параллельно-вертикальный мой
Мир, где я желанья чередую.

Вытряхну жука из рукава,
Пощекочу ящерице брюхо.
И смотрю, как громкие слова
Падают, не достигая слуха.

5

Смесь тумана и рыбацкого дымка
Лунным сеевом в небесной кроне
Оседала проникающе до мха,
До стихов в блаженной полудрёме.

А наутро даже строчки не могу
Вспомнить, хоть нечаянную малость –
Всё ушло, исчезло, хрустнуло во мху
И в потустороннем затерялось...

Только через много лет у той реки
В час, когда томительна усталость,
Мне явились те пропащие стихи –
И теперь их позабыть осталось.

* * *

В марте тоннами за город
Вывозили с улиц снег.
Снег же, в хлопья перемолот,
Снова сыпался на всех.

И, казалось, бесконечным
Будет заданный процесс.
Но случилось, тучам нечем
Больше сыпаться с небес.

Не осталось больше снега
Во дворах и, вообще, –
Только солнце среди неба,
Только песня на душе.

За день выскребла сугробы
Развеселая весна,
Шла она, срывала пломбы,
И сама себя несла.

* * *

Тот, что слева, ударил правой.
Тот, что справа, ударил левой.
– Что вам надо? – вопрос корявый
Растворился в крапиве прелой.
Тренированно били в сердце,
Били, били, но не разбили.
Я лежал по одной из версий
В двух шагах от своей могилы.
Как расшит закат облаками! –
Синяками моими с кровью.
Эх, зачем же вбивать ногами
В память вечер с такою болью
Вместе с духом земли и водки.
Жизнь меня не переиначит
До того, покуда в серёдке
Бестолковое сердце плачет.

* * *

В лесу не разговаривай,
Птиц не перебивай,
Смородиной заваривай,
Глотай весёлый чай.
И вдумчиво прослушивай,
Что в памяти хранишь.
Когда-нибудь при случае
Ещё поговоришь.
Смотри, как тучу по небу
Упрямо тащит дождь.
И незаметно что-нибудь
В самом себе поймёшь.

ПО ДАВНИМ СЛЕДАМ

Следы на снегу превратились в подмётки,
Ажурно истлеют при выше нуля.

На лапах еловых клубкам без подмотки,
Комкам без подпитки морозной нельзя.

И тают без удержу.

Встал муравейник

Медвежьим загривком и мне как на грех,

Где тени легли вроде клавиш-ступенек,

Ведущих по просеке прямо и вверх,

Никак не пройти.

Коренные сельчане —

Ворона с сорокой — повздорили вслух.

И снова крошенье, сверканье, журчанье

И капли весёлой коротенький плюх.

Весна как весна,

Ни отнять, ни прибавить.

Дороги болтливы, а вербы рябы,

Восторженна жизнь и болезненна память

Затерянной в юности первой любви.

Когда обнажённой тоска и привычной

Возносят тебя над землёю крыла,

И грозы клубятся с упёртостью бычьей,

И ты бесшабашен, была не была.

Мятежен в неволе, на воле — в смущенье

Не в меру зажат и подчёркнуто сух....

А всюду шуршанье, журчанье, крошенье

И капли весомой коротенький плюх.

Не помню причин, обстоятельств, условий.
Не помню завистников, олухов, склок.
Последний автобус походкой слоновьей
Ушёл в 20.40...
И я как оглох.
Какие терзанья, отчаянье, пытку
Делил по-приятельски снег хлопьяной
Пока вперемешку с дождём и враскидку
С асфальтовой грязью тащился за мной...
С годами весна превратилась в волненье,
Потом в ожиданье – а если?.. а вдруг?..
А после в сверканье, журчанье, крошенье
И капли солёной коротенький плюх.

* * *

Снег под скорлупою супесчан.
Шаг с тропы, а под ногою пусто.
Вымерзают лужи по ночам
До сухого стрельчатого хруста.

Солнце из-за ельника вразлёт.
В небесах бездонье от промоин.
Если в чём-то мне не повезёт,
Нынче огорчаться не настроен.

И не потому, что март подсох,
Воробьи шалеют на пригреве,
На цепи соседский пустобрёх
Выглядит услужливо добрее.

На моих плечах ликует внук,
Радуюсь и лужам и синицам.
Потому нельзя мне даже вдруг
Поскользнуться или оступиться.

Пусть тесна дорога и крива,
Но зато легка моя тревога —
За плечами светлые крыла
Ангела распахнуты широко.

МАЛЬЧИШКИ

Май заселён с излишком
Ором и щебетом сплошь,
В роще за нами по шишкам
Ходит на цыпочках дождь.

Там одуванчик предлинный,
В колоб пуховый одет,
Провинциально пугливый,
Нам не даётся в букет.

Овод в паучьем капроне
Так замотался и смяк,
Можно как Тутанхамона
Замуровать в саркофаг.

Смотрим, с коряги свисая,
Стая – хвостов в пятисот! –
Стрельчатым телом блистая,
Брызнет от щуки вразлёт.

Мир до крапивного ворса
Вызнав за летние дни,
Ночью, не ангелы вовсе,
Тихо летаем над ним.

* * *

С переливом от осин к берёзам
Август продувает холодком,
Где протопал спозаранку плёсом
Михаил Потапыч босиком.

Непривычно сыт до полупьяна
Переспелой ягодою. Нам
Косолапый, а не обезьяна
Прапрапредок, судя по следам.

А когда в тайге жара и морок,
И неурожай – не дай, Господь! –
Он зайдёт, робея, в сытый город.
И готов сплясать вам за ломоть.

* * *

Наброжусь в тайгу за белыми,
Шишками, лисичками,
Очарованный распевными
Голосами птичьими.
И спеша достичь желанного,
Свежего, зазвонного
В переводах с разнотравного,
Лиственного, хвойного

Заберусь в урман без имени,
С вывертами, с дуплами,
Обмирая под совиными
Пристальными лупами.
Там ни лебеда, ни лешего –
Сутемень воронья,
Там тенётником завешена
Щель в потустороннее.

Кое-как по следу прежнему
Возвращусь в знакомое –
Разнотравное, безбрежное,
Лиственное, хвойное.
Но когда над словом маешься,
Сквозь века былинные
В душу смотрят немигающе
Вылупы совиные.

ПРОВОЛОЧНИК

Едва отпузырился в лужах дождь,
Пошли боровики мал мала меньше,
А проволочник, золочёный гвоздь,
Уже в подошве белого замечен.

Кто сообщил ему, какая мразь,
Координаты, где взошла семейка?
Но, видимо, беспроводной связью
Была у проволочников давненько.

* * *

Окна заменил в своей квартире
На стеклопакеты и с тех пор
Неожиданно подробнее и шире
Из окна представился обзор.

Потеплее в доме стало даже.
Не хватает только в феврале
Мне лебяжье звёздного пейзажа
И морозных кружев на стекле.

СТАРЫЙ САД

Тень на воде совпадёт с отраженьем.
На горизонте всплывут облака.
По-над малиной повеет броженьем,
Снизу натянется нить сквозняка.

Ни передышек, стоп-кадров и пауз —
Пчёлы роятся, улитки ползут...
Сад вынимает из дупел и пазух
Связки нелепиц, тенёта причуд.

Сад удивляет особым терпеньем
Выслушать вас и настроить на лад
Благоволения ангельским пеньем
Птиц ли забытых, знакомых дриада!?

Вот погостил и прощай, баба Оля!
Печь починил, расколол чурбаки.
Ты спозаранку с огнём балаболя,
Мне на дорожку печёшь пироги.

Память потянет отсюда по свету
Яблонный запах и наверняка,
Если не сгину от водки, приеду
Век доживать в этот рай, а пока —

Время зовёт! И запомню в итоге
После весёлой настойки твоей
Острые промельки луж на дороге
Из-под елово-лиловых бровей,

Русской избы кружевную опрятность
Да золотых куполов старину,
И благодарность за тихую радость
Саду, тебе ли, не знаю кому.

НАД ХРАМОМ

Вознесся куполами в поднебесье,
Где ястреб над былинными краями
Скользит канатоходцем, равновесье
Удерживая чуткими крылами.

Над Иртышом ни облачка, ни дыма.
Гуляет ветер с переливом птичьим.
И чувство совершенства объяснимо
Благоволеньем Божьим и величьем.

* * *

Не мешай, не перемешивай
То, что было, с тем, что есть.
На своей любви помешанный
Не хочу в чужую лезть.
Мне уже того достаточно,
Что в душе светлым-светло
От весны, листвы и ласточек,
И ещё от чёрт-чего...

ОСЕННИЙ ДЫМ

Тени шикуют в заплатах,
Сброшенных березняком.
Рябь на речных перекатах
Тонко разглажена льдом.
Или дождём остограммен,
Или напуган снежком,
Дым с огородных окраин
Катится в лес кувырком,

То расклубится, то прянет
В рожу – аж слёзы из глаз!
В роще от запаха станет
Сумрачно-горько тотчас.
Дымом и город подкрашен.
Дремлет пожарный расчёт...
Долго живу во вчерашнем,
Позавчерашнем ещё,

Помню медовую горесть
Мягких объятий и губ,
Жесты прощания, то есть,
Поезд на Санкт-Петербург.
Держит с ранимым наивом
Прошлую душу мою –
Как и должно над обрывом,
Как и должно – на краю.

ДВА СТАКАНА

Жили-были два стакана,
Два гранёных ворчуна,
Вспоминали два стакана
Золотые времена.

Дребезжал тоскливо первый,
Был он с трещиной в боку:
– А ты помнишь старый вермут?
– Не желал бы и врагу...

– Но зато «Агдам» – и сладок,
И с утра приятно пить...
– От него такой осадок,
После содой не отмыть!

– А портвейн «три семерки»?
Спирт «Рояль»?
– Стоял колом!..
И внезапно оба смолкли –
Захлебнулись молоком.

ГУМАНОИДЫ

Не опознаны, не поняты
В перестроенной стране,
Что-то часто гуманоиды
Попадаться стали мне.
В меру бриты и ухожены.
Под очками пряча взгляд,
Быть обычными прохожими
Гуманоиды хотят.

И примерным поведением
Намекают, чтобы их
В наших людных заведениях
Принимали за своих.
И вина не пьют ни капельки,
Чтоб по пьяни не сболтнуть,
Из какой они галактики
И как долог Млечный Путь.

Но повадки иноземные
Не укрыть им всё равно –
То уступят место женщине
В переполненном метро,
То заступятся за слабого,
То помогут перейти
Через улицу Курчатова
Деду с внуком лет пяти.

То спасут из дыма бабушку
С перепуганным лицом,
То украденную лампочку
Вам заменят над крыльцом.
То в музее, то на выставке,
То возьмутся отыскать
То ли в Туле, то ли в Витебске,
Близнецам родную мать.

То туристу иностранному
Простодушно объяснят,
Как пройти к Святому Храму и
Съездить в Сергиев Посад –
То псалмы поют на английском,
То бомжу дадут займы...
В остальном, они такие же
Человеки, как и мы.

А СНЕГ ШЁЛ...

Холода крещенские ослабила.
И в режиме видео-письма
Город переписывала набело
Пуховойным почерком зима.

И непроходимы стали в городе
Перекрёстки с улицами, где
Думал о себе, как белом вороне, —
Как найти такого в светлоте?

Разминулись.
И уже не встретиться.
Город нам обоим незнаком.
Снег неумолим.
Планета вертится —
Пухнет одуванчиковый ком.

Стали сосны мехом оторочены,
Острые углы — закруглены,
Жители спросонья озабочены
Облачным обвалом тишины.

Начали откапываться истово
Из дремот, привычек и проблем,
Чтобы в благодати независимо
Жить, любить и верить...

Между тем,
Снегопад густел, сужая улицы,
Будто бы подталкивал плечом
Нас друг к другу,
Встретятся, мол, слюбятся...
Встретились.
А снег как ни при чём.
Шёл.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Состав от гудка передёрнет,
И мне продолжением сна
Откроется утренний город
Развёрнутым видом с моста.

Привет!
Убеждай, возвращаться
Совсем не приметя, а путь
К себе, к пониманию счастья,
К тому, что уже не вернуть.

Тут каждый проулок и камень
Зовут погрузить, а в ответ
Читаю им город на память,
И жизнь проверяю на свет.

ЗОЛОТОЕ ПОЛЕНО

И свистит, и поёт, и стреляет
Золотое полено в костре.
Кто его положил, верно знает,
Как угрюма тоска в ноябре.

И невольно мы повеселели,
Снова чай на троих кипятим.
Ожились замшелые ели,
Отгоняя назойливый дым.

А наутро беспомощно редким
Стал огонь на останках седых.
И не помним,
А кто же был третьим
Среди нас, одиноких, двоих.

* * *

В пору бабьего лета
На дорожку-разлуку
Из медвежьего следа
Выбирал тебе клюкву.
Ешь, любимая, чтобы
Был уверен, в столице,
Как медведю в сугробе,
Глубоко тебе спится.

ДОМ

Через лес под дождём
Морозящим и нудным
Шёл и чувствовал, дом
Будет днём моим судным.
Сколько лет впопыхах,
Охладев к перепискам,
Закрутился в делах,
Не заглядывал к близким

Дождь сугробы изгрыз,
Истончил так, что вижу
Рёбра шиферных крыш,
Лужи лунную линзу,
Богатырскую плешь
Косогора... Не сразу
Отряхну морось с плеч
И с волнением слажу.

Старый ржавый топор,
Что был всажен в лесину.
Вытащить до сих пор
Никому не под силу...
И взойду, как привык
По ступеням, по стону
Ветхих плах вековых,
С покаянием к Дому.

* * *

Не нарадоваться ветру –
Прямослоен и упруг,
Перелистывает вербу
Строго с севера на юг.

После зноя, пыли, лени
Облаков наволокло,
Намело страниц осенних
На полкниги под окно.

Как они мне душу грели,
Как сияли в них лучи!
Но день-два и почернели,
От листвы не отличить.

* * *

Утром выскользну из дому.
На кустах роса вразвес.
Сапогом на шавку топну,
Разбужу тропу и в лес.
По обыденной привычке
Прошвырнусь по сосняку,
Где маслята и лисички
В самом что ни есть соку.

Из промшелого подножья
Крутогорбого холма
Бьёт родник, сияя дрожью,
Чист, как истина сама.
На реке туманен омут
С тихим выводком утят.
Посижу на пне, до дому
Мне уже рукой подать.

От небес в прогалах сини,
От державности лесной,
От земной души России
Зарядился чистотой.
В доме спят ещё и, может,
Их к обеду не поднять.
День же мой —
 как будто прожит —
Надо новый начинать!

СУПРУГИ

Следы в слюде и наледи обмылки,
И длинные сосульки – к затяжной,
При солнце с холодком не без ухмылки,
При звёздах с леденящей немотой
Весне.

Прошу, оденься потеплее,
Без легковесных шалей и пальто.
Скорлупчат хруст на утренней аллее,
А над – звенящее полукольцо.

Вон пара –
На двоих им лет сто сорок,
Но как тепло глазают на синиц,
На шелуху берёзовую, шорох
Снежка, не замечая встречных лиц.
Ощупывают лужицы без спешки
Подошвами и обращают жест
Для обоюдно бережной поддержки.
Они один несут по жизни крест.
Не истошилось обаяние с годами,
Не превратилась искренность в игру.
Не верят ни в приметы, ни в гаданья,
Ни в гороскоп и прочую муру.
И без того друг дружку изучили,
Притёрлись судьбами к плечу плечо,
Что третьей,
Зачастую лишней, силе
Не втиснуться меж ними ни за что...

А нам весна – рассада, удобрения,
Ремонт, посев...

Присядем на скамью.

И вместе перелистываем время,

Но, улыбаясь каждый своему.

* * *

От мрачно-синего до серого,
До грозового доходя,
Перекатились тучи с севера
Клубами снега и дождя.

Цвела черёмуха по улицам
И птицы славили весну,
От огородов пахло гумусом
И прелым хламом за версту.

Уже давно на подоконнике
Рассада просится в парник.
А снег сидит на рукомойнике,
Как на Лукинишне парик.

И потому без шапки вязаной,
И без пухового платка
Ей, в чернозёме перемазанной,
Не холодно наверняка.

Она с утра морковь посеяла,
Накрыла плёнкой теневой.
А тучи? – с юга или с севера –
Всегда кружат над головой.

ПЕЙЗАЖ

Запах дыма, пласт земли,
Плеск листвы, коряги выверт
Ни на память, ни займы,
Ни в дорогу взять не выйдет.

Если точный карандаш
И подробный фотоснимок
Мне скопируют пейзаж
До оттенков и морщинок,

Не наполнят всё равно
Трудной болью расставанья.
Буду сам вникать в него
Через лупу расстоянья.

* * *

К деревьям из домашнего тепла
Перемещаю творческий свой быт.
Подтаял лёд под ножками стола
И, кажется, он в воздухе парит.
Предчувствует бессонье и полёт,
Восторг и скорбь, отчаянье и риск...
Пока зерно в контекст не попадёт,
Пока слова не развернутся в лист.

* * *

Снег прошёл,
Как Христос по воде,
И пропал за массивом.
Просияли следы в темноте –
Золотые на синем.

Онемел на полуматюге
Друг с дымком папироски –
Полыхнул у него на крючке
Окунь в тёмной матроске.

Долго не замечали никак
Мы в азарте рыбачьем,
Как с утра золотой березняк
Стал к обеду прозрачен.

Каменела на жёлтой листве
Россыпь солнечной влаги...
А щурёнок опять на блесне –
Прямо из-под коряги.

Снова снег отчеркнул берега.
Клёв пропал.
Не преминем,
Полюбуемся на облака –
Золотые на синем!

* * *

Бульдозер выкорчевал дерево,
Заглох раздавленный родник.
И долго утреннее стерео
Катало по распадкам крик.
Искали щупальцы из ямины
Обрубленную жизнь...
Полдня
Ты руки мыл и мыл — вина
И боль не отмываемы.

ПЕРВОСНЕЖЬЕ

В октябре утончённо свежем
Для крылатых на гроздьях снег
По-аптекаарски равно взвешен,
А рассыпан – для прочих всех.

Суматошно вихраст кустарник,
Перехвачен в коленках льдом.
Товарняк со скрипом в суставах
Возвестит о себе гудком.

И мгновенно – где я, где город? –
Отыщусь и представляю, как
Ждут домашние, ищут повод
Поворчать на меня слегка.

Оглянусь на закат невольно –
Как пестрят деревья вдали! –
Словно ссора сорочья, словно
Зебры в березняк забрели.

* * *

Дни – сырые намётки к весне,
Карандашные, с акварелью
В облаках и лесной голизне,
С запускаемой дятлом дрелью
На пустой сухопарой сосне.

По морозу в крупу растолкли
Грузовозы дорогу, до пшёнки.
А на солнце уже протекли
С веток свешенные кошёлки
С сувенирами талой тайги.

Как легко и сквозяще свежо,
Осязаемо близко бывшее!
И душа озарилась светло,
Тихо вскинула в небо крыло,
А за ним развернула другое.

* * *

Закругляется зима –
Снег оплавленно стеклянной,
Выпуклей по берегам,
А по омутам провальней.
Закругляется зима
И не помнишь боли острой
От метели ножевой
И пощёчины морозной.
Закругляется зима –
Каравай на крыше плоской
Скоро станет колобком,
А потом уже лепешкой.

ВНУК

Из болота вместе с клюквой
Он принёс домой в корзине
Жёлтый пух с осою-злюкой,
Шишку в липкой паутине,
Куст морошковый и ветку
В ломкой шляпе сыроежки,
Лист похожий на монетку
Вместе с заячьим орешком,
Шелуху столетних сосен,
Пригоршню осенней хвои,
Комара, что был несносен,
Домогаясь лёгкой крови,
Щелкуна с пучком пушицы,
Паука на длинных лапах,
Родниковый вкус водицы
И багульниковый запах,
Кочек жиденькие космы,
Мха пружинистую сырость...
Мотыльки, сучки, стрекозы –
Всё в корзину поместилось!
И когда с улыбкой бодрой
Вытряхнул на кухне это,
Ягод было в куче пёстрой
Горсть всего,
но горсть-то деда.

* * *

На речке разводы и пятна
С оттенком мочи и махорки.
Видней на округлостях марта
Эффект апельсиновой корки.

Плетёмся по вязкому хрусту,
Дымясь от слепящего снега.
И тонко струится по руслу
Цепочка собачьего следа.

* * *

Март сугробен и погож,
Малохолен с недосыпа.
По карнизу снег похож
На пельменные защипы.

Снег запачкан и пропах
Гарью и погодой хворой.
Снег забрызган на углах
Цепко тьявкающей сворой.

А когда-то в белый снег
Я нырял из жаркой бани,
В холодящий пух и сверк,
И хватал его губами.

А глаза, бывало, вскинь!
Эх, какая в небе нашем
Из прорех лучилась синь
Над густым одноэтажьем,

Как звенели над сквозной
Суею шальные песни,
Как небесная с речной
Переглядывались бездны!

* * *

Ещё сжелта сквозяща зелень,
Заявлен тополем объём
И снова листовенная темень
На лето упакует дом.

Там паутина тоньше писка
Комарьего взамен луны,
Там спозаранку будит птица
Пощёлкиваньем с вышины.

На теневой беседке через
Осколки солнечные, где
Перетекает сонный шелест
В воспоминанье о дожде

Вдруг –
 перелистыванье книжки,
Очков и окон пересверк,
Узорных пятен передвижки
И пыль, заверченная вверх.

И неожиданно большие
Глаза мечтательных сестриц...
И скачут капли дождевые
С листа на лист...

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Дом привязан к огороду
До глубокой осени.
Держат в сумерках дорогу
Тополя с обочины.

Облака грозят облавой –
Громовыми ливнями.
Лопухи сошлись оравой,
Размахались листьями.

Невозможно даже на день
Отлучиться из дому.
Вон козел, будь он неладен,
Ждёт, готовый к приступу.

Не понежиться на травке
В шелесте лирическом,
На подходе тучи в давке
Сыплют электричеством.

Проклиная наши ямы,
Пошустрей зашлёпали
Мимо хонды и ниссаны,
Форды, мазды, опели...

А гроза в порыве резком
Встала вдруг коварная,
Будто как перед Донецком
Киевская гвардия.

* * *

Комарьё завьюжило над омутом –
Непонятно, к вёдру ли, к дождю ль.
Лес в тумане, наглухо задернутом,
И в молочной спелости июль.

Где-то в облаках пошарит фарами
Ранний грузовик, гоняя тьму.
Всё-то ворошим с друзьями старое,
То, что не припомнить одному.

Севером притёрты и проверены,
В нас – истоки нынешних тревог...
Образ романтического времени
Выветриться в памяти не смог.

Всё-то, хорохорясь, усмехаемся,
Не по силам взваливая груз.
И всё чаще за сердце хватаемся,
Будто в девяностых за Союз.

Надо же, прокладывали, строили,
Согревали, зажигали свет...
А теперь, как не было в истории
Вдохновлённых временем побед.

ЗАСТОЛЬНОЕ

Развалилась страна –
Наша боль и вина!
Дым и гам за столом общепита.
Слева внук кулака,
Справа внук казака,
Посредине внук архимандрита.

В зонах и лагерях,
В тундре и рудниках,
На лесоповале и трассе,
Вместе и сообща
До надсады в хрящах
Одолели бесхлебье – и здрасте...

Развалилась страна...
А была ли она! –
Негодуют и спорят сердито
Слева внук кулака,
Справа внук казака,
Посредине внук архимандрита.

Сколько правды в словах,
Сколько гнева в глазах,
Сколько в памяти скорби сердечной!
Начинали с обид –
Кто забыт, кто убит?
А закончили всё-таки песней!

Ибо верят – должна
Возродиться страна! –
Претерпев и вину, и обиды,
Слева внук кулака,
Справа внук казака,
Посредине внук архимандрита.

* * *

Травы солнцем напоены.
Узкой дымкой отчёркнут
Хвойный краешек тишины
И кувшинковый омут.

Неизменный рай в шалаше,
Птиц слепые прослушки
И навек неоплатный уже
Долг по счёту кукушки.

В дым закутались от мошки
И не помним о горшечке.
Как величественно круги
Нарезал в небе коршун.

Он в дозоре – за кругом круг
Над речным мирозданьем.
Он упал перед нами вдруг
Камнем...

И уже со змеёй в когтях
Взмыл и канул в гнездовье.
И теперь беззащитно так
Смотрим в небо пустое.

ГОЛОС

Голос мой вместе со мной
Вас не покинет – останется
В посвисте птицы лесной,
В звоне осоковой старицы,
В шорохе вьюги по льду,
В лепете тонкой берёсты...
Много чего наберётся
С чем прозвучал он в ладу.

Всё потому, что слова
Я подбирал для мелодии,
Где расплескалась листва
Вербно-рябиновой родины,
Верил любимым глазам,
Ждущим или провожающим,
Незаменимым товарищам,
Их благородным делам.

Голос мне светлой землей
Дан для любви и слияния,
И для взаимозвучания
С жизнью моей непростой.
Знал в ней вину, и беду,
Чем восхищаться, в чём каяться...
Голос мой с вами останется.
После того как уйду.

ПАВЕЛ
ЧЕРКАШИН

* * *

Волнующий осколок лета:
Луга послушные ветрам,
Заря до самого рассвета –
Сестра космическим кострам.

Шептанье трав, вуаль тумана
По-над рекою, неба синь.
Я словно в сказке без обмана,
Пленённый кротостью осин.

Нагая тишь меня балует,
И лишь далече за селом
В тайге кукушечка кукует,
Поёт извечный свой псалом.

* * *

Как недавно было
Солнце и тепло –
Сердце не остыло,
На душе светло.

Я стою под липкой,
Тихо, как во сне,
Оседают липкий
На ресницы снег.

Светится дорога –
Спутница разлук,
И, как вехарь Бога,
В небе лунный круг.

Золотые блики
Стынут на крестах,
Серафимов лики
Спят на куполах...

ОБЛАКА

Из-за кромки голубой,
Из далёка-далека,
Белоснежною гурьбой
Выплывают облака.
Расскажите, братики,
Про мою про милую
Родину любимую,
Про далёкий край,
Где луга раздольные,
Вечера туманные,
Птицы в небе вольные
И леса урманные.
Росы где медвяные
И озёра рыбные,
Небеса багряные
Да стихи былинные.
Реки где неспешные,
Песни где простые,
Первоцветы нежные,
Родники святые.
Мудрость там народная,
Там и жизнь – не мука,
А стрела свободная, –
Звучна и упруга.
Там живётся-дышится
Жизнью разноликой.
И тайга колышется
Над рекой великой.

* * *

Пляшет в сумерках огонь,
На ветру гудит, шаманит,
Языкастыми руками
Манит,
Лижет светом мне ладонь.
Тишь полночная –
Непрочная:
Вот опять трещит сверчок,
Скрипнет ветка, он – молчок.

ЗОРЕНЬКА

Просыпалась зоренька
Раньше ясна солнышка,
Поднималась в небушко
И гасила звёздочки.

Выходила зоренька
Во луга зелёные,
Умывалась зоренька
Росами медвяными.

Улыбалась зоренька,
Золотила сосенки,
Облака кудрявые
Ласково румянила.

И встречала зоренька
Звоном колокольчиков,
Щебетаньем ласточек
Лучезарный день.

РОДИНА

Старый дом. Деревенская улица.
И скамейка выросла у ворот.
Может быть, это снится мне, чудится
Дровяник, тесный двор, огород?

Здесь я бегал когда-то мальчишкою,
И ласкал добродушных собак.
Вот бочонок с откинутой крышкою,
По воде в нём гуляет черпак...

Как и прежде, погода здесь хмурится,
Нет, не балует север теплом.
Косогор синегрудый сутулится,
И печально шумит за селом.

Всё знакомо, всё близко и дорого,
Как доверчивый свет фонарей.
И вдали от безумного города
Становлюсь я нежней и добрей.

* * *

Длинные коврики серых теней
Стелет погожее утро.
Старенький дед из открытых сеней
Смотрит печально и мудро.

Пахнет росой, парным молоком —
Млеют довольные козы.
В дальнем конце всё стучат молотком,
Точат визгливые косы.

Сельские будни... И всё-таки — нет:
Что-то берёт за живое!
Словно сквозь сон, через тысячу лет,
Я узнаю дорогое.

Бледная дымка синей и синей,
Всё воскресает как будто.
Длинные коврики серых теней
Стелет погожее утро.

* * *

Тонкие ивы склонились к траве,
Томно целуются с лугом.
Дрёмное утро! Туман на заре
Тянется к тучам-подругам.

Смотрит доверчиво девственный зверь.
Ты улыбнись – не чужой он...
Думы твои да исполнятся – верь,
Коль лучезарен душою!

Сбудутся все заповедные сны, –
Только приди к аналою,
К белому камню у старой сосны,
И помолись с тишиною.

* * *

Чайного цвета осенние лужи –
Прелыми листьями горбится дно.
Милый посёлок, далёкие Мужички!
Вот он ручей и родное окно.

Бледное небо над крышею дома,
Ржавой щеколды простуженный звук,
Говор зырянок... О, как всё знакомо!
Даже дождик рассеянный стук.

Где-то в ветвях одинокого тала
Ветер балует с усталой листвою.
Вот и ещё одна осень настала;
Здравствуй, сентябрь с золотой головой!

* * *

Вчера был дождь, сегодня – небо
Насквозь распластано весной.
И солнце, как буханка хлеба,
По-над лохматостью лесной
Всё сыплет светом на верхушки
Полупрозрачных вешних крон,
А чуть поодаль, на опушке,
Огромный пенёк. – Ну, чем не трон!
Сграбастав землю корневищем,
Глядит наростами в глаза.
«А ну, позволь присесть, дружище!» –
Присел. Пугливая роса
Скользнула вниз и там пропала...
Молчу. – Не место здесь речам.
С какою жадностью припала
Душа к целительным лучам!

* * *

Вечер. Выйду на крыльцо.
Тихо скрипнет половица.
Запрокину ввысь лицо,
Улыбнусь: «Опять не спится».

Спят дворы, в окошках ночь,
Урезонились собаки.
И звезда – вселенной дочь
Посылает в вечность знаки.

За околицей овраг
В белом зареве черёмух.
Не спеша, густеет мрак.
А на простынях зелёных

Тёмной глыбой дремлет конь.
Лишь моей душе не спится.
Вдаль зовёт звезды огонь
Тишиною насладиться.

ИЗ ДЕТСТВА

Деревенское милое детство!
Там тайга и реки поворот,
Рыжий кот, что живёт по соседству,
Песня ржавая старых ворот.

Вот оно: в чёрных шортиках, в майке,
С новой ссадиною на ноге
Семенит босиком по лужайке,
Задыхаясь, кричит: «Э-ге-ге!»

И хохочет в бездонное небо
Всё в сиянии тёплых лучей.
Славно пахнет соломою, хлебом
И древесным настоем сеней.

Старый дед улыбнётся лукаво,
Подмигнёт и качнёт головой.
«Ох, найду на тебя я управу!
Ну, варнак, вот приди-ка домой!»

Но, смеясь: ведь простят малолетству
Все оплошности юной поры,
Деревенское звонкое детство
Открывало дороги в миры.

* * *

Нам так мало отпущено жить,
И тем более – что-то успеть.
Что же память свою ворошить,
Мне б на годы вперёд смотреть.

Но попав, словно в замкнутый круг,
И не смея тревожить печаль,
Я жалею минувшее вдруг,
Как всё то, что потеряно, жаль.

Горстка лет, словно горстка песка,
Что сочится сквозь пальцы ручьём.
Время кровью стучит у виска,
Как и все времена – ни при чём.

Я стоптал не одни сапоги,
Всё искал. – Сам не знаю чего.
Не успеть. Не объять. Не дойти.
Горстка лет, их – всего ничего.

Вот бы только от счастья ключи
Подобрать, как удачный мотив.
Не молчи же, душа, не молчи,
Зов полёта в себе подавив.

Нам так мало отпущено жить,
И тем более – что-то успеть.
До поры, как по мне отслужить,
Ты позволь, что я начал, допеть.

Поэту Андрею Тарханову

* * *

На опушке костерок
Да кривой шалашик.
Что за чудо-вечерок
В тишине ромашек!

Всё умолкло до поры,
И река пустынна,
Только ноют комары,
Наглотавшись дыма.

Неподвижна и темна
Шевелюра кедра,
Что-то вспомнила она,
Отдохнув от ветра.

Да и сам, присев к огню,
Ворошу бывшее,
Верю завтрашнему дню,
Забываю злое.

Светлым думам под напев
Всей душой внимаю,
Мир, как заново прозрев,
Глубже понимаю.

* * *

Солнце в пригоршнях воды
Отражается лучисто.
По верхушкам лебеды
Ветер бегаёт волнисто.

Пахнет родиной полынь —
Горьковатый, сочный запах.
Сосны смотрят в неба синь,
Облака держа на лапах.

Пляшет рядышком костёр,
Дым пуская бороною.
Вечер крылья распростёр,
И колдует надо мною.

Белых чаек суета,
Будто хлопья снеговые.
Затеряться б навсегда
Средь нехоженой России.

* * *

Люди, смотрите почаще на звёзды.
Они вам напомнят о бренности дней
Ныне живущих и будущих, гнёзда
Которых не свиты ещё меж ветвей
Древа великого жизни безбрежной.
Живите, как боги. Пусть смертные – что ж?
С мудрой душой и святою надеждой,
Поправки внести во вселенский чертёж.

* * *

Вешним цветом утро пьяно,
Кличут солнце глухари,
И оно встаёт румяно
В одеянии зари.

Золотистая тропинка
Через речку пролегла...
Эх, российская глубинка!
Сколько тайны сберегла

Ты в своих глазах озёрных,
В вековечном сне лесов,
В дождевых жемчужных зёрнах,
Даже в хриплом лае псов

На коров бредущих стадо
Через мост на водопой.
Здесь я дома. И не надо
Мне сторонушки другой!

* * *

После ливня в деревеньке
Пахнет зеленью и мятой.
Выйду босым на ступеньки –
Небо тучками измято,

Но уже играет солнце
У ограды с лебедою.
Распахну ему оконце
И – на речку за водою.

* * *

Видишь, ветер по дороге
Всё позёмкою кружит,
В небе месяц остророгий
Над домами ворожит.

Пригорюнился, родимый,
Потускнел и рожки вниз.
Вечный странник нелюдимый
Над избой у нас повис.

Знать, согреться захотел он,
Коль всё жмётся у трубы,
Очертив зелёным мелом
Дыма жаркие клубы.

* * *

С каждым годом ближе и верней
Та граница, за которой – осень.
И, теряясь в вихре листьев-дней,
Не заметив, платье жизни сбросим.

И всё чаще налетает грусть
О былом, что в памяти осталось.
Листья облетают. Ну и пусть.
Только жаль, что всё сильнее усталость.

Всё острее, мучительнее боль,
Непосильней ноша за плечами.
А судьба – загадочная роль,
Ей сценарий пишется не нами.

Счастье – вот, лишь руку протяни,
Но мечты опять бесследно тают,
Снова в ожиданье мчатся дни.
Облетают листья, облетают.

Кто-то раньше, кто-то после нас
Скроется в объятьях снегопада,
Только нет смиренья и сейчас:
Так неожиданно, скоро так – не надо!

СЧАСТЬЕ

Приду домой: уютно пахнет дымом –
Хозяюшка моя топила печь.
Разденусь, постою над спящим сыном.
Любимая легко коснётся плеч

И улыбнётся. Кошка замурлычет
И, жмурясь, будет ластиться у ног.
Пусть за окном седая вьюга хнычет,
Так хорошо, когда не одинок!

В кроватке сын. Сопит, не шелохнётся.
Я милую, лаская, обниму,
Почувствую, как сильно сердце бьётся
И с нежностью к губам её прильну...

Да будет так, и в солнце, и в ненастье,
Я даже имя ведаю твоё:
Простое человеческое счастье,
Одно на всех, и каждому – своё!

* * *

Тихий погост. За оградой кони
Мирно пасутся. За просекой лес.
Здесь моя родина, здесь мои корни,
Дедова мать похоронена здесь.

Лет уж немало смолистые кедр
Старой могилке даруют покой.
Не потому ли недобрые ветры
Место сие обошли стороной.

Внуки да правнуки – жизнь разметала –
На ноги встали вдали от гнезда.
Часто дорогу пургой заметало
В город, куда не идут поезда.

Только как прежде, влекомые зовом
Родины дальней, срываются с мест.
Чтобы о детстве обмолвиться словом
И помолиться на маленький крест.

* * *

Доброта не в моде ныне.
Совестятся, что ль, её?
Реже думает о сыне
Мать, заморское бельё
Продающая на рынке.
Да и он не пишет ей.
Дед глядит с фотокартинки
Огорчённо на детей.
Очерствели наши души.
Если завтра на заре
И любовь очаг потушит,
Зябко станет на земле.

* * *

Провожая закат. Наслаждаюсь покоем.
И торжественность эту нарушить боюсь.
Уходящего солнца лучистым настоем
Всё желаю напиться. И всё не напьюсь.

Нет, не зря в этот вечер я вышел из дома,
Чтобы ветру в глаза-синеву заглянуть,
Песню неба услышать, что с детства знакома,
И с душой просветлённой продолжить свой путь.

В этой музыке древней, пугливо негромкой
Есть источник целительный жизни моей.
И пока не угасло светило за кромкой,
Я врачую себя в водопаде лучей.

* * *

Вмёрзли палые листья янтарно
В льдистый панцирь таёжных озёр,
И рисует, отнюдь не бездарно,
На оконцах мороз-фантазёр.

И всего-то единственной краской,
А не в силах глаза оторвать.
Каждый вечер всё новою сказкой
Будет сердце моё чаровать.

* * *

Вот он – мужевский погост,
И отца могила:
Распушился лисохвост
В полный рост крапива.

Всё уныло, без прикрас,
Время – не садовник.
Лишь тарацит алый глаз
Молодой шиповник.

Но, не знаю отчего,
Здесь я ближе к Богу.
Словно тут врата Его
К горнему чертогу.

* * *

Дождь бормочет за окном
С увядающей листвой.
Капель влажный метроном
Навевает сон, покой.

Ночь тепла, струится пар,
Плавно ткёт тумана шаль.
Слёзы неба – щедрый дар,
В нём желанная печаль,

Искушение грехов,
Обновление судьбы...
И услышав тайный зов,
Я отверг уют избы.

Вышел слушать плач небес
С непокрытой головой
И опять душой воскрес
От молитвы дождевой.

* * *

Закат рассыпал бисер алый,
Кровинки солнца там и тут,
Но все их слижет ветер шалый,
И звёзды веки разомкнут.

Скользнут к земле далёким взором
Тысячелетние лучи
И небо высветят узором
Седого Млечного Пути.

* * *

Мерно цедит маятник
Дни в подойник прошлого,
Работяга-маетник,
Жизнь дробящий в крошево
Для амбаров памяти,
Погребов забвения...
Нет в секундной замяти
Мне отдохновения.

* * *

Нахлынул вечер тёплой волною,
И по Оби закат расплавил медь.
Здесь мысли дышат миром, не войною, —
И так легко, что страшно умереть,

Недолюбить и недолюбоваться
Таёжной чародейною красой.
Хочу на веки вечные остаться
В краю родном, хотя б лесной росой.

Чтоб навсегда от грусти излечиться
Заветным эликсиром кедрача
И вдоволь водяникою напиться
В последних бликах нежного луча.

* * *

Ночь – монахиня-старушка
Бережёт покой земной.
Целый мир – её церквушка,
Месяц в небе – аналой.

Тихо молится Вселенной,
Просит милости для нас,
И мерцает ей нетленно
Вечных звёзд иконостас.

* * *

Две ели росли возле нашего дома,
Шумливо встречали над Обью рассвет,
Но улица детства теперь незнакома:
И ели засохли, и дома уж нет.

А раньше, бывало, их чуткие песни
Мне были святей, чем церковный псалом.
Растаяли звуки...

Ах, сердце, не тресни,
Хоть память скрутила тебя на излом.

Теперь там коттеджи парадно теснятся,
Но я давних лет позабыть не смогу:
Мне всё-таки снятся, по-прежнему снятся
Две ели и дом на обском берегу.

* * *

Край родной, ты – мой ангел-хранитель,
Ты – заветная пристань моя,
Ты – надёжная сердцу обитель
От обид и пропадающего дня.

Мне урманы твои – словно боги,
Звёздный купол небес – точно храм,
А ручьёв безымянных пороги
Исцеляют мне душу от ран.

Знаю, примешь скитальца-поэта
Ты радушно и мудро, как мать.
И тебя, как у солнышка света,
Не отнять у меня, не отнять.

* * *

Лес, ожидая весну, занедужил;
Под малицей снежной журчит Бурудан,
В белой нарядной ягушке и Мужи,
И древний, как звёзды, дремотный урман.

Тихо. Лишь дрогнет нечаянно ветка,
И хрупкую вечность таёжного сна
Робко нарушит ольха-малолетка
Шептанием радостным: «Здравствуй, весна!»

* * *

Я камешек малый привёз с Бурудана,
Из пенистых вынул его бурунов,
Он родиной пахнет, водою Югана,
Вобравшего свежесть лесных живунов.

Смотрю на него и опять вспоминаю
Как русло Югана петляет к Мужам.
Забросить бы всё и приехать к пернаю,*
Хотя бы денёк поболтать по душам.

И камешек этот возьму я с собою,
Верну его снова в родимый поток.
Не мне ли, с моею чужбинной судьбою,
До боли понятно, как он одинок.

* Пернай – в переводе с языка коми «крёстный».

* * *

Забот – бесконечные будни,
А счастья – короткие сны.
В них звуки волшебные лютни
И запах цветущей весны.

Всё реже те сны, всё пугливей,
Страшна им угрюмая власть
Бессонницы быта глумливой.
А выспаться хочется – всласть.

Но, видно, Морфей заблудился
В далёкой чужой стороне.
Наверно, там кто-то влюбился
И счастлив в чарующем сне.

Светлане

* * *

Не водопад ревущий, нет,
Моя любовь – родник звенящий,
Цветок багульника, рассвет,
Что заплутал в таёжной чаще.

Пусть нет в ней страсти штормовой,
Она, поверь мне, не слабее,
Она, как добрый домовой,
Чем неприметней, тем милее.

Она похожа на зарю,
На песнь речного переката,
И я тебе её дарю.
Прими мой дар
и будь крылата!

Светлане

* * *

Путешествовал я много,
Но давно обрёл причал.
Это – ты. Другой, ей-богу,
Я нигде не повстречал.

Ты, ниспосланная с неба
Благодатною звездой,
Стала мне вином и хлебом,
Чтоб познал я рай земной.

* * *

Первая изморозь, хрупкая, ранняя,
Словно мелодия тихая, дальняя,
Стылого воздуха музыка льдистая,
Радужно-светлая, хладно-искристая,
Отзвук канонный напева былинного,
Сказа волшебного, чудного, дивного,
Чистая нота, в безбрежность уплывшая,
Изморозь первая – песня застывшая!

* * *

Деревянная старушка
Грустно смотрит на закат.
Здравствуй, милая избушка,
Воротился твой солдат!

Дворик, низкое крылечко,
Домовитый дух сеней...
Спелым жаром встретит печка,
Столь родимым с давних дней.

В уголке лампада светит,
Богородица и Спас
По-родительски приветят –
И возрадуюсь тотчас!

По широким половицам
Я к божнице подойду –
За Отчизну помолиться
И за русскую избу.

* * *

Три иконы, крест нательный
На цепочке на стальной,
Строгий пост семинедельный,
Свет лампы в час ночной
Да ещё молитва к Богу –
Вот и всё, что нужно мне,
Чтоб приблизить понемногу
Светлый день моей стране.

* * *

От кромки села, за погостом – покосы,
Там шарики клевера поят шмелей
Нектаром своим, и в зелёные косы
Вплетается ветром духмяность полей.

А ближе к воде, в травостое по вымя
Коровы к земле окунают рога...
Здесь в отзвуке каждом Всевышнего имя
И Родины, что навсегда дорога!

* * *

Она была, была деревня –
Полсотни изб, Николы храм...
Теперь стеной стоят деревья
По шумным некогда дворам.
Людьми забытого погоста
За чернобыльем не сыскать.
Отсохла память, как короста,
И время здесь не врач, а тать,
Разор творящий так неспешно.
Грустит безмолвная заря,
И плачет ангел безутешно,
Присев на остов алтаря.

Светлане

* * *

От ран душевных в сердце жженье.
Долой словесные корриды!
Любовью вымолю прощенье
За все невольные обиды.

Сложу трезубцы фраз и пики!
Пусть лучше буду безоружен,
Чтоб вновь прочесть на гордом лице
Ответ безгласный: «Ты мне нужен!»

* * *

А мы всё так же не похожи,
Как два десятка лет назад,
Но тем бесценнее, что всё же
Сумели мы взрастить свой сад.

Щедро камнями жизни поле
И благодатных мало рос,
Но, повинуюсь Божьей воле,
Мудрели мы. И сад наш рос.

Бывали частыми ненастья,
То снег, то засуха, то град,
Но неизменно солнце счастья
Дарило нам любовь и лад.

Пусть будет много дней погожих,
Но знаю, будут снег и град,
Ведь мы всё так же не похожи,
Как два десятка лет назад.

* * *

Дай Бог хоть год прожить полезным,
Чтоб не стыдиться сыновьям.
А долгий век уделом честным
Отдай пророкам и царям.

Дай Бог хоть день прожить достойно,
Ведь месяц много меньше даст.
Внутри меня такие войны!..
Во всём был прав Экклезиаст.

Дай Бог хоть час прожить счастливо,
Увидев Твой пречистый Свет.
Увы, молюсь я торопливо,
Забыв про суету сует.

Дай Бог хоть миг прожить с Тобою!
Минута – слишком долгий срок,
Чтоб я с никчёмною судьбою
К Тебе приблизиться бы мог.

* * *

Поэта упрекнуть за светоносность
Желающих найдётся – пруд пруди.
И зависть в них, и злобная нервозность,
Готовы сердце вырвать из груди
И тут же растоптать в пыли дорожной,
Чтоб новый Данко не возжёт огня.
Не потому ли бьётся так тревожно
Жар-птица, что живёт внутри меня...

* * *

Ангел мой, присядь со мною рядом,
Я коснусь твоих усталых крыл
И займусь потрёпанным нарядом,
Что когда-то белоснежным был.
Окроплю раскаянья слезами
Ноги в кровь избитые твои,
Вымолю тебе под образами
Отпуск за неравные бои
С тьмою неизбежных прегрешений –
Часто я не слышал твой совет,
Находясь во власти искушений –
На тебе живого места нет.
Ты прости меня, хранитель милый,
Что тебя беспечно подвожу,
Отдохни, наполнись новой силой,
Обещаю: смирно посижу.

* * *

Был яйцом.
Избежал сковородки.
Проклюнулся.
Оперился.
Окреп крылом.
Взлетел лебедем!
Заметили.
Подстрелили.
Отеребили.

Был гусеницей.
Избежал подошвы.
Затаился.
Преобразился.
Чешуйчатокрылым
Вспорхнул цветком!
Заметили.
Изловили.
Проткнули иглой.

Избежал кюретки.
Стал человеком.
Захотел летать.
Вырастил крылья
Внутри себя –
Развил левитацию.
И вот воспарил!
Подольше бы!
Заметили...

* * *

Вести отсчёт – с крыла кукушке.
Не соловью. И не скворцу.
Гляди, уселась на макушке
Сосны, нудит своё «ку-ку».
Встречая день, торопит чудо –
Мгновенье солнышку вставать.
Скажи, ну разве это худо –
Рассвета час воскуковать!

* * *

Взошла луна над окоёмом
В снега укутанной Югры
И над зубчатым окаёмом
Седой тайги зажгла костры,
Увы, не греющего света,
Но встрепенётся память вдруг
И вспомнит благостное лето,
Над южным морем лунный круг,
Большой, янтарно-серебристый,
Плывущий в завтра из вчера,
Что мне поведал: путь тернистый –
Всего лишь Господа игра.

* * *

Вновь заискрились таёжные дали
Ярким монисто морозных огней,
Оцепенели в покорной печали
До снеготая безоблачных дней.
Сонное царство с мечтами о мае...
В хрупких ветвях не пульсирует сок.
Грезит тайга о тепле и о стае
Пуночек первых, да только не срок.
Грежу и я под сонаты метели,
Времени вдоволь и память щедра,
Перебираю, как чётки, недели
Полные света, любви и добра.

* * *

Вот он я, оголённый до нерва, до сути,
Точно провод, лишённый защитных слоёв,
Я красив, но опасен, как шарики ртути,
Как свечи лепесток для ночных мотыльков.
Обнажён до предела, теку сладким соком
Откровенности, ласки и чуткой любви,
Но не смей обмануть, мои чувства под током,
Лучше сердца засовы в ответ отвори.

* * *

Вплетаюсь в полотно людского мира
Стихами – чистой музыкой души,
И пусть моя совсем негромка лира,
Но чуткий слух услышит и в глуши.
Мне только бы чудесней и побольше
Успеть вплестись в иных судеб узор
Для музы приговора нету горше,
Чем испытать беспамятства позор.

Светлане

* * *

Вторые одуванчики цветут,
Пускай не так безудержно, как в мае,
Но всё же, погляди, и там, и тут
Их солнышки в траве затрепетали.
Как жаль, не суждено им доцвести,
Осенние ветра в окно стучатся.
Но два венка успею я сплести,
Чтоб в храме сентября нам обвенчаться.

* * *

Вчера я увидел, как в небе зажглась новая звезда.
Сегодня астроном поведал, что она уже погасла.
Случилось это ещё задолго до моего рожденья.
Огорчаться этому или радоваться?

Конечно, второе.

Ведь её лучи будут тешить взор моим правнукам.
И даже тем потомкам, что невольно забудут меня.
Тем, что бесконечно разбавят мою кровь
кровью других.

Но все мы будем обласканы светом этой звезды.

* * *

Даруй не золото молчанья,
А слов живое серебро
Святым поступком подаянья,
Как бескорыстное добро
Для тех, кто сердцем жаждет света,
Но изнемог иль заплутал.
И будь готов сносить за это
Чреду плевков, а не похвал.

ДЕКАБРЬ

Избушка, печь, безмолвье стен,
Приятель плед и друг подушка,
О лете сны, мечтаний плен,
А за окном луна-подружка.
И тяжесть век, движений лень,
Желаний пыль и мыслей вата,
Княгиня ночь и карлик день,
И приближенье коловрата.

* * *

Если любишь, то клясться не надо,
И не нужно весь мир обещать,
Заверений фальшива рулада.
Если любишь – готовься прощать.
Лишь тогда оперятся, окрепнут
Крылья птицы семейного лада.
Никакие ветра не истреplют!
Если любишь...

* * *

Ещё живу, ещё тревожу
Работой лёгких стылый воздух,
Молитвой бурный день итожу,
А после сон – недолгий роздых
Пред тем, как вновь на баррикады
За место Божие под солнцем,
Иначе – сразу в казематы,
В подвалы с крохотным оконцем.

* * *

Жажду тепла в ненастье,
Мучаясь, верю в счастье.
Где-то за хмурой тучей,
Зябкою и плакучей,
Солнце любви сияет,
Радугами встречает,
Песнями льётся в сердце,
Настежь открыта дверца
В терем добра и света,
Вечной весны и лета.
Что ж моё сердце киснет?
Рак на горе не свистнет. —
Тотчас же в путь отправлюсь:
В муках пустых раскаюсь,
Крикну «прощай!» ненастью
И зашагаю к счастью!

* * *

Желанье познать всё на собственной шкуре,
Руками коснуться, ногами ступить
И взором объять не в мечтах, а в натуре,
И сердцем от яви восторг ощутить!
Лишь так! Ибо книги – всего лишь трамплины,
А фото – гербарий от странствий других.
К чему имитации? Жажду картины
Живой, настоящей, как ветер, как стих!

* * *

За навигацию устав,
На берег выползли буксиры.
Шуршит шугою ледостав,
Просторы рек уныло сиры.
Пройдёт ещё немало дней,
Пока окрепнет мост ледяной
И обновится след саней
Под крик возницы зычно-пьяной.

* * *

Заваривай чаёк, поговорим.
К чему бессоньем маяться впустую?
В минувший год калитку отворим,
Пойдём гулять по дням напропалую
Да с веником, лопатою, метлой,
Чтоб мусор весь смести в совок забвенья
И вновь себя смирить перед судьбой
Целительной молитвой всепрощенья.

* * *

Студён рождественский январь,
Остылый воздух жжёт гортань,
Замёрзших губ так скуп словарь,
И тела дрожь – немая дань
Для сохранения тепла,
Пока домой не попадёшь.
А в доме печь ещё тепла,
И только здесь сполна поймёшь,
Оттаяв телом и душой,
Обняв печурку, словно мать,
Что ты не сдался, ты живой,
И радость в сердце не унять!

Светлане

* * *

Когда б мы жили без затей...

Вероника Долина

Затейливость жизни мешает плодиться,
А я до частицы хочу раствориться
В божественном племени наших детей,
Но тщетно стремлюсь расквитаться скорей
С бесчисленным скопом делов и делишек...
Спасибо тебе за двух славных сынишек!
И всё же не рано ли ставить нам точку?
Давай запятую! Так хочется дочку!

* * *

Сыростью дышат лесные овраги,
Щедро набухло холодное вымя
Рыхлых снегов от живительной влаги,
Жадно губами сосут моховыми
Каждую новую каплю ложбины,
Чтобы воспеть сказку лета ручьями:
Кипень черёмухи, кудри рябины,
Вкрадчивый шёпот деревьев ночами...

* * *

Поцелуями молний расплавлено небо,
Неуёмный любовник – раскатистый гром
Содрогнулся от страсти безудержно, слепо,
Исторгаясь на землю обильным дождём.
И любя приняла долгожданное семя,
Как награду, в покорное лоно земля,
И легко понесла многоплодное бремя –
Разноликое жизни святое дитя.

* * *

За то, что вопреки умеет жить,
За жгучесть неуёмную и ярость,
За то, что в полный рост встречает старость,
За то, что не сломить, не задушить,
Характером настырну и строптиву,
Совсем не красовитую на вид,
Извечно в шрамах от людских обид —
Уже за то, прошу, люби крапиву.

* * *

Знаешь, лето меня не прельщает,
Я от века пленён сентябрём.
Только он мне покой обещает.
Посмотри, как горит лесодрём!
Сухостойник обид выжигает
Очищающим ярким огнём.
Что мне лето?.. – Порхает-не знает
Про печали на сердце моём.

* * *

Из гнилой болотины
Выкопал берёзоньку,
Посадил под окнами
В мягкий чернозём.
И земляца щедрая,
И водица вкусная,
Только всё не мило ей –
Чахнет на корню.

* * *

Избираем дороги лекарством
И идём сквозь ветра-костоправы.
Нет, не рвёмся в бессмертия царство
И не ищем волшебные травы,
Чтоб сместить час последнего вздоха.
Пусть горьки нашей жизни отвары,
Пусть страдаем, что тоже неплохо —
Это к счастью цена переправы.

* * *

Измучено сердце, истерзано.
Сижу, кропотливо латаю.
Где лезвием боли изрезано,
Заплату любви нашиваю.
Где шилом обиды исколото –
Молитвы стежок и прощения,
А ниточка – чистое золото –
Из веры, надежды, смирения.

Светлане

* * *

Истончилась, истаяла в небе полоска,
Улетел самолёт, уносящий тебя,
И надвинулись тучи угрюмо и плоско,
И обрушились вниз пеленою дождя.
И стою я, укутан в холодные струи,
Одинокий и грустный дитя сентября,
Вспоминаю объятия твои, поцелуи,
И, едва проводив, жду обратно тебя!

* * *

Котомку в руки – и айда!
Передо мною все дороги.
Недели, месяцы, года
Ковром ложатся пусть под ноги.
На север, запад, юг, восток,
В тайгу иль к морю-океану...
В России тысячи дорог,
Пойду любой – и выйду к храму.

* * *

Отзовись во мне, Россия,
Колокольным чистым звоном,
Незабудок цветом синим
Отразись в глазах моих,
И платком лесов зелёным
Спеленай по-матерински,
Напой меня любовью –
Самым вкусным молоком.

В ДЕНЬ СОЛНЦЕВОРОТА

Лишь три часа, а солнце раскалило
До рдеющего угля окоём,
И северное небо загрустило,
Простуженное жгучим декабрём.
За окнами который день под сорок,
На улицах ни пробок, ни людей,
И тлеют фонари сквозь стылый морок
Гирляндой неприкаянных огней.

* * *

Моя душа – таинственная дверь.
Совсем как у шарманщика в каморке.
И холст, и котелок... Проткни, проверь
И в темноту вбуравься взглядом зорким,
И рассмотри латунный блеск петель
И скважины сияющую прорезь,
Вставь ключик золотой в неё теперь
Своей души – и я тебе откроюсь.

* * *

Мы в детстве наивно и свято мечтали
Стать сильными, крепкими, горы свернуть...
Жесток и обманчив взросления путь,
У жизни в награду – из камня медали.
Под их тяжким грузом и мы каменеем.
Мечтами, сердцами, душою – в гранит.
И горы свернуть мы уже не сумеем,
Мы сами – гора из невзгод и обид.

* * *

Не дай, Господь, уйти до срока,
Не дай детей осиротить,
И без того кратка дорога,
Позволь успеть благословить
В Твой мир пророченное семя,
Вручить им крепкое весло,
Чтоб не смело их злое время
И в счастье больше повезло.

* * *

Ни о чём не скорби, не жалея,
Всех и вся, если можешь, прости,
В лабиринтах безлюдных аллей
Много проще покой обрести,
Чем в гостях у беспечных друзей,
Что не ведают: в Божьей горсти
Полпесчинки земных твоих дней.
Не скорби, не жалея и прости.

* * *

Никто не исключение, я тоже
Ежевечерне в прокрустово ложе
Пытаюсь уместить минувший день:
Пустить под нож постыдное, чужое,
Отдать на выброс всё, что наносное,
Оставить только суть. И пусть лишь пень
Грозит торчать от дерева событий,
Но он – ступень для завтрашних открытий.

* * *

Остыли реки, не парят,
Вода ленива и свинцова.
И так пронзительно горят
В ночи созвездия. И снова
Морозцем схвачена трава,
Хрустит стеклянно под ногами.
За десять дней до Покрова
Запахло скорыми снегами.

* * *

Октябрь, ты лучший месяц для ухода
В другие измерения души,
Всё на руку – и мысли, и погода,
И даже сны смиренно хороши.
И в памяти всё меньше кровоточин –
Днём Покрова искуплены грехи,
Прощай, большак, шагаю вдоль обочин
Дорог, что милосердны и тихи.

* * *

Порою хочется до зуда
Волшебной палочкой взмахнуть!
Мы все живём, желая чуда.
Хотя б одним глазком взглянуть.
Всё артефакты ищем, книги,
Явления, знака ждём извне...
Смешные! – Чудо в каждом миге
Пока мы дышим на земле.

* * *

Итожить путь трудней всего.
Дорога – это бесконечность.
Смотрю на звёзд седую млечность
И понимаю – ничего
Нельзя помыслить завершённым,
Ведь так задумал мудрый Бог,
Чтоб в хитром кружеве дорог
Нам путь не мнился предрешённым.

СОДЕРЖАНИЕ

Ягодинцева Н. А. Чувство, которое мыслит 3

ВЛАДИМИР ВОЛКОВЕЦ

«Хрустим ржаною корочкой дороги...» 12

Начало 13

«Ты ночь не спал, как будто...» 14

«Вчера ни облачка...» 15

«Обдуманно обидела...» 16

«Не повезло в любви...» 17

Часы 18

«Потянулись птицы к северу...» 19

Белый сон 20

«Ты не молчал, без отдыха и без...» 22

«Милая, чем независимей...» 23

«В комариной дымкою повитом...» 24

«Схолодало. Ноябрь подул...» 25

«Дом вздрагивал...» 26

«Скомкаю лист – невесёлая проза...» 27

«Молчаливо вытерпишь...» 28

«Слова, слова...» 29

«Как много во мне...» 30

Случай 31

Отец 32

К матери	33
«На отмели малька...»	34
«У поздней малины особенный вкус...»	35
«В столичной толкотне...»	36
«Ещё оглянись, чтобы наверняка...»	37
«Осень на Севере...»	38
«Медленные, ветреные ночи...»	40
«Ты знаешь лучше всех...»	41
«В одиночестве желанном...»	42
«Может, когда-то прохожий...»	43
«Пока от ватного тепла...»	44
«Ещё в затаённом своём...»	45
Там...	46
Югра	47
Стрекоза	48
«Вымокну, просохну, заврачую...»	49
«В доме должен быть излишек...»	50
«Осень оттепельна. Хлопья...»	51
«По шву береговому распоролось...»	52
Леспромхоз	53
Четыре времени омута	
«Зимний омут колоколом гулким...»	54
«И с ног, и снег сшибательная выюга...»	55
«Эх, давай на озеро рванём...»	56
«На осеннем омуте пестро...»	57
«Смесь тумана и рыбацкого дымка...»	58

«В марте тоннами за город...»	59
«Тот, что слева, ударил правой...»	60
«В лесу не разговаривай...»	61
По давним следам	62
«Снег под скорлупою супесчан...»	64
Мальчишки	65
«С переливом от осин к берёзам...»	66
«Наброжусь в тайгу за белыми...»	67
Проволочник	68
«Окна заменил в своей квартире...»	69
Старый сад	70
Над храмом	72
«Не мешай, не перемешивай...»	73
Осенний дым	74
Два стакана	75
Гуманоиды	76
А снег шёл...	78
Возвращение	80
Золотое полено	81
«В пору бабьего лета...»	82
Дом	83
«Не нарадоваться ветру...»	84
«Утром выскользну из дому...»	85
Супруги	86
«От мрачно-синего до серого...»	88
Пейзаж	89

«К деревьям из домашнего тепла...»	90
«Снег прошёл...»	91
«Бульдозер выкорчевал дерево...»	92
Первоснежье	93
«Дни – сырые намётки к весне...»	94
«Закругляется зима...»	95
Внук	96
«На речке разводы и пятна...»	97
«Март сугробен и погож...»	98
«Ещё сжелта сквозяща зелень...»	99
Перед грозой	100
«Комарьё завьюжило над омутом...»	101
Застольное	102
«Травы солнцем напоены...»	104
Голос	105

ПАВЕЛ ЧЕРКАШИН

«Волнующий осколок лета...»	108
«Как недавно было...»	109
Облака	110
«Пляшет в сумерках огонь...»	111
Зоренька	112
Родина	113
«Длинные коврики серых теней...»	114
«Тонкие ивы склонились к траве...»	115
«Чайного цвета осенние лужи...»	116

«Вчера был дождь, сегодня – небо...»	117
«Вечер. Выйду на крыльцо...»	118
Из детства	119
«Нам так мало отпущено жить...»	120
«На опушке костерок...»	121
«Солнце в пригоршнях воды...»	122
«Люди, смотрите почаще на звёзды...»	123
«Вешним цветом утро пьяно...»	124
«После ливня в деревеньке...»	125
«Видишь, ветер по дороге...»	126
«С каждым годом ближе и верней...»	127
Счастье	128
«Тихий погост. За оградой кони...»	129
«Доброта не в моде ныне...»	130
«Провожая закат. Наслаждаюсь покоем...»	131
«Вмёрзли палые листья янтарно...»	132
«Вот он – мужевский погост...»	133
«Дождь бормочет за окном...»	134
«Закат рассыпал бисер алый...»	135
«Мерно цедит маятник...»	136
«Нахлынул вечер тёплой волною...»	137
«Ночь – монахиня-старушка...»	138
«Две ели росли возле нашего дома...»	139
«Край родной, ты – мой ангел-хранитель...»	140
«Лес, ожидая весну, занедужил...»	141
«Люблю погожим сентябрём...»	142

«Я камешек малый привёз с Бурудана...»	143
«Забот – бесконечные будни...»	144
«Не водопад ревущий, нет...»	145
«Путешествовал я много...»	146
«Первая изморозь, хрупкая, ранняя...»	147
«Деревянная старушка...»	148
«Три иконы, крест нательный...»	149
«От кромки села, за погостом – покосы...»	150
«Она была, была деревня...»	151
«От ран душевных в сердце жженье...»	152
«А мы всё так же не похожи...»	153
«Дай Бог хоть год прожить полезным...»	154
«Поэта упрекнуть за светоносность...»	155
«Ангел мой, присядь со мною рядом...»	156
«Был яйцом...»	157
«Вести отсчёт – с крыла кукушке...»	158
«Взошла луна над окоёмом...»	159
«Вновь заискрились таёжные дали...»	160
«Вот он я, оголённый до нерва, до сути...»	161
«Вплетаюсь в полотно людского мира...»	162
«Вторые одуванчики цветут...»	163
«Вчера я увидел, как в небе зажглась...»	164
«Даруй не золото молчанья...»	165
Декабрь	166
«Если любишь, то клясться не надо...»	167
«Ещё живу, ещё тревожу...»	168

«Жажду тепла в ненастье...»	169
«Желанье познать всё на собственной шкуре...»	170
«За навигацию устав...»	171
«Заваривай чаёк, поговорим...»	172
«Студён рождественский январь...»	173
«Затейливость жизни мешает плодиться...»	174
«Сыростью дышат лесные овраги...»	175
«Поцелуями молний расплавлено небо...»	176
«За то, что вопреки умеет жить...»	177
«Знаешь, лето меня не прельщает...»	178
«Из гнилой болотины...»	179
«Избираем дороги лекарством...»	180
«Измучено сердце, истерзано...»	181
«Истончилась, истаяла в небе полоска...»	182
«Котомку в руки – и айда...»	183
«Отзовись во мне, Россия...»	184
В день солнцеворота	185
«Моя душа – таинственная дверь...»	186
«Мы в детстве наивно и свято мечтали...»	187
«Не дай, Господь, уйти до срока...»	188
«Ни о чём не скорби, не жалея...»	189
«Никто не исключение, я тоже...»	190
«Остыли реки, не парят...»	191
«Октябрь, ты лучший месяц для ухода...»	192
«Порою хочется до зуда...»	193
«Итожить путь трудней всего...»	194

Литературно-художественное издание

14+

ВОЛКОВЕЦ

Владимир Михайлович

ЧЕРКАШИН

Павел Рудольфович

ОСЯЗАЕМОЕ СЕРДЦЕМ

Сборник стихотворений

Концепция издания П. Р. Черкашин

Выпускающий редактор П. Р. Черкашин

Операторы набора В. М. Волковец, П. Р. Черкашин

Предпечатная подготовка П. Р. Черкашин

Корректор П. Р. Черкашин

Подписано в печать 04.02.2017. Печать офсетная.

Гарнитура Garamond. Тираж 300 экз.

Издательство «Lulu»

США, Северная Каролина, г. Роли,

Хиллсборо-Стрит, 3101

СЕРИЈА

Бројни ознаке

СЕРИЈА

Бројни ознаке

ОСНОВНИ СЕРИЈА

Бројни ознаке

Својерасно издање

Бројни ознаке

Својерасно издање

Бројни ознаке

Својерасно издање

Својерасно издање

Бројни ознаке

Својерасно издање

Бројни ознаке

Својерасно издање

* 677266-924783 *

85-00

057032017

Государственная библиотека Югры

ВОЛКОВЕЦ Владимир Михайлович родился 22 февраля 1953 года в п. Чур Удмуртской АССР. Окончил Шарьинский совхоз-техникум в Костромской области в 1972 году и Литературный институт им. А.М. Горького в 1986 году. Публикуется с 1971 года.

Член Союза писателей России с 1988 года. Дважды Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа - Югры в области литературы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка.

ЧЕРКАШИН Павел Рудольфович родился 28 сентября 1972 года в с. Мужы Ямало-Ненецкого автономного округа. Окончил Тюменский государственный университет в 1996 году. Публикуется с 1989 года.

Член Союза писателей России с 2003 года. Дважды Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа - Югры в области литературы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка.

